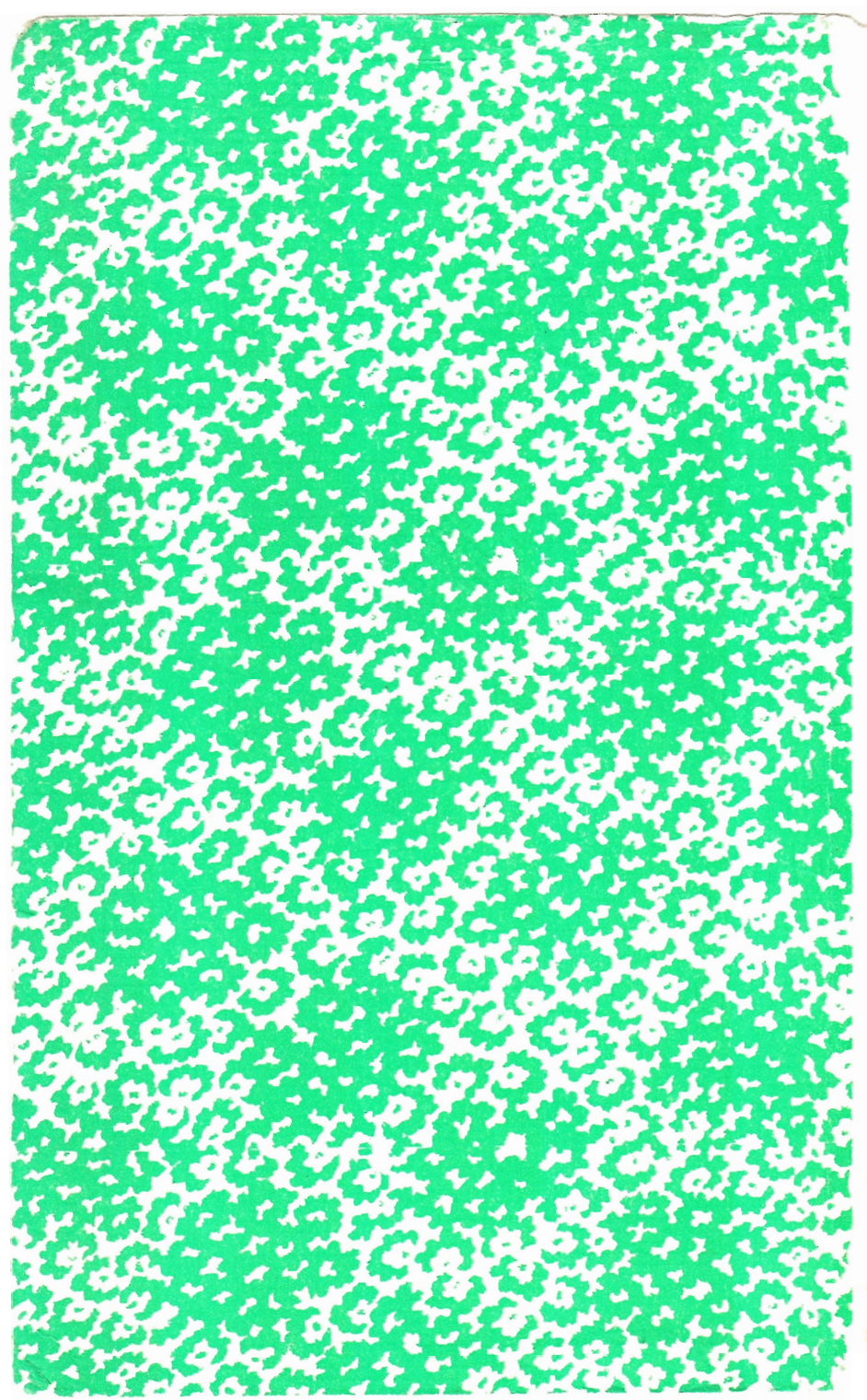

84

№

Вас. Федоров

854654

Нас. Федоров

**КАК
ЦВЕТЫ
НА
ЗАРЕ**

*Рюма
Ирки*

Фед

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1974

но

В своей новой книге известный поэт Василий Федоров пишет о родной Сибири, о деревне Марьевке, о реке Оби. Любовь к этой земле выливается в любовь к России, к Родине.

Близость поэта к самым сокровенным народным чаяниям сказывается во всем, о чем бы он ни писал: о своей юности и о просторах полей, о городе и деревне, о красоте человека и об охране природы, о жизни и смерти, об искусстве и любви.

Заключительный раздел книги составили полемические миниатюры, отличающиеся четкой гражданской позицией автора.

© Издательство «Советский писатель», 1974 г.
Стихотворения, отмеченные звездочкой в содержании, печатались до 27 мая 1973 года.

На мой

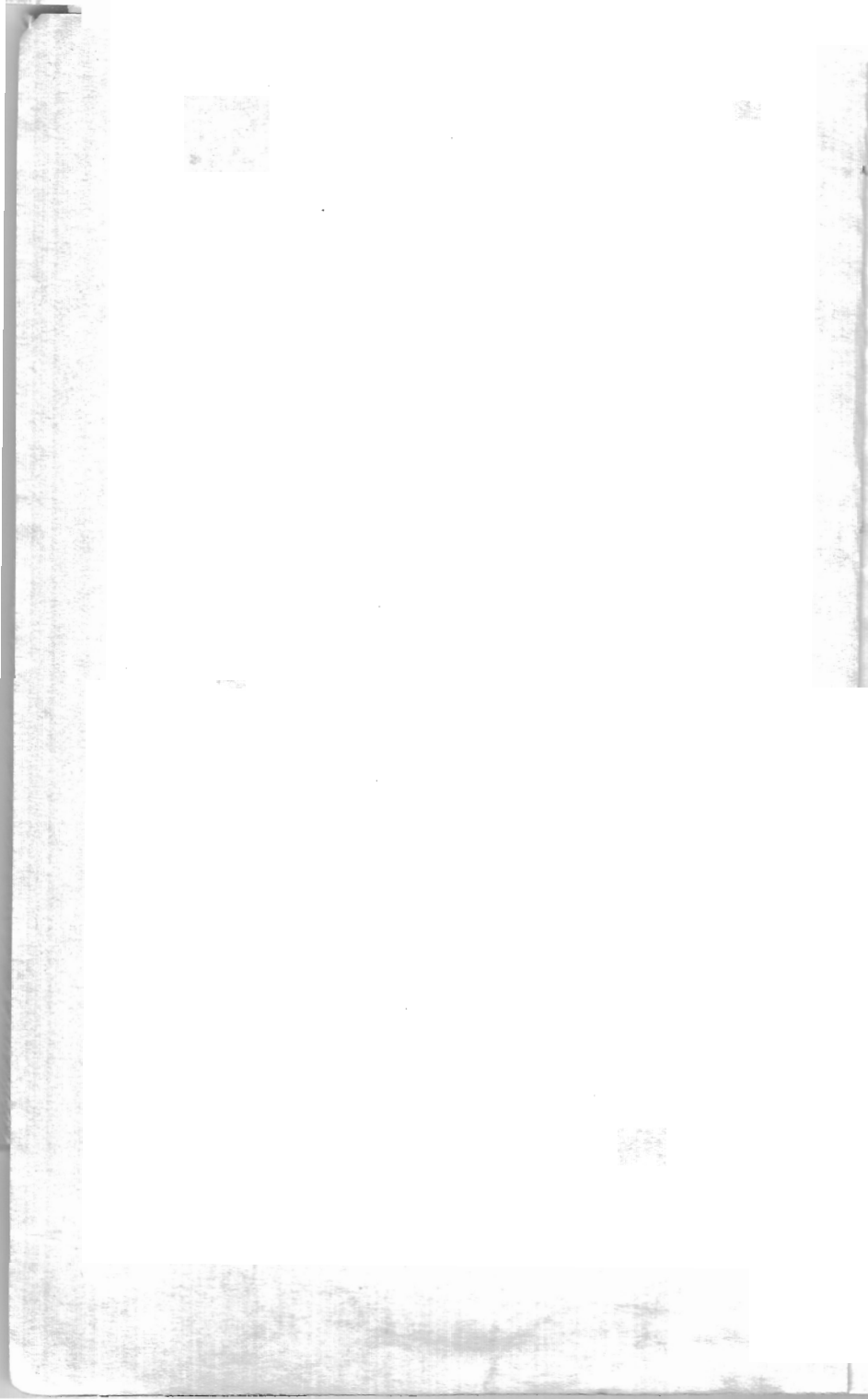
Назаркиной горе

Мы с вами

к правде бегим.

НАЗАРКИНА
ГОРА

С тех пор,
Как тобою поклялся,
С тех дней,
Как я принял твой путь,
Всю жизнь я,
Отчизна, боялся
В надеждах
Тебя обмануть.

Но странно:
Когда полыхала,
Когда обогрненной была,
Ты жертвы других
Принимала,
Но жертвы моей
Не брала.

Когда погибали герои
По зову огня и крови,
Я жизнь свою
Выставил к строю,
Ты жизнь мне вернула:
Живи!

Когда,
Не умея скупиться,

Пришел я
По воле судьбы
Любовью своей поступиться,
Любовь ты вернула:
Люби!

Когда ты
Жила созиданьем,
Восторгом, что бил через край,
Пришел я к тебе
Со страданьем,
Ты тихо сказала:
Страдай!

Когда ж,
На себя негодуя
За то, что
Погиб не в бою,
С последнею песней
Приду я,
Ты примешь ли
Песню мою?

МЫ САМИ...

Мы из крестьян.
Скажу начистоту,
Не пожалев
Ни образа,
Ни слова:
Мы знали красоту,
Мы пили красоту,
Мы ели красоту,
Как сено ест корова.

Как будто жили
Слишком далеко,
Эстетика о нас
И слыхом не слыхала.
В нас нашей красоты
Живое молоко,
Как у дойных коров,
Веками присыхало.

И времена не те,
И мы не те.
Не надо
В назидательном кура́же
Нам толковать о нас
И вечной красоте.
Мы сами о себе
Напишем и расскажем.

ЗЕМЛЯ

Почуя сердцем
Внеземную тягу,
Однажды в ночь
Я вышел за село.
Земля, как утомленный работяга,
Лежала и вздыхала тяжело.

В таинственных
Долинах небосвода
Подружки-звезды
В блестках золотых
Веселые водили хороводы,
А ей, усталой,
Было не до них.

Сама звездой
Она сияла прежде,
Теперь лежала
В молодых мирах
В своей лесной
И травяной одежде,
Протершейся
На мускульных буграх.

Ловил мой слух,
Как трудно сердце билось

В чередованье
Спадов и прыжков.
Что ж, накрутилась,
Дымом накурилась,
Лечебных наглоталась порошков!

Еще бы жить
Да жить моей планете,
Еще б сиять
Сиянием чела,
Когда бы не изматывали дети,
Что в звездных играх
Юной зачала.

Ей на курорт бы,
На веселый праздник,
А там опять
Кружиться и рожать,
Ей отдохнуть бы
В лучшей из галактик,
В хорошей атмосфере
Подышать.

Так думал я о ней,
А с нею слитый,
Уже зарозовел
Небесный плес.
Ей и на час
Нельзя сойти с орбиты,
Ей суждено
Работать на износ!

ПОЛЕ

Какое поле
Зреет в славе!..
Куда глазами
Ни раскинь,
Кипит, как золото
В расплаве,
Перед заливкой
В колоски.

О поле, поле,
Ношей брэнной
Под солнцем
Наливайся впрок,
И пусть, как шлаковую пену,
Пыльцу сбивает ветерок.

Плати нам, поле,
Полной мерой
За труд, что многих тяжелей.
Спасибо селекционерам
И сеятелям
Наших дней.

И пращур
За умный прищур.
Да будет славен на века

Поднявший взгляд
От корневища
До чахленького колоска.

Тот взгляд — полет
От века к веку,
Тот взгляд — бессмертья
Добрый знак.
Спасибо первочеловеку,
Заметившему
Первый злак.

ЕЩЕ О КОНОПЛЕ

Грубо
Прогнанная с нивы,
Хмуρο глядя на поля,
По оврагам средь крапивы
Задичала конопля.

Топчут,
Давят,
Не заботятся
От великого ума.
Сама сеется, молотится,
Сберегается сама.

Нам укорствует
В заботе,
Дикий стебель наклоня:
«Вы еще ко мне придете
Культивировать меня».

ЧЕЛОВЕК

Природа
Не очень спешила
Провидеть свою благодать,
Пока, заскучав, не решила
Себе Человека создать.

Природа
В работе неспорой,
Незримое что-то творя,
Предгорья
Вдвигала на горы,
Бросала моря
На моря.

В горячке,
В бреду,
В наважденье
Земля, потерявшая стыд,
Так мучилась
В корчах рожденья,
Что даже срывалась
С орбит.

Громада
Кружилась,
Металась,

Глазеющих звезд
Не стыдись,
Чтоб некая
Малая малость
Однажды живой родилась.

Не смея
В удачу поверить,
Ей некого было спросить,
Как малую малость лелеять,
Как ей
Человека растить.

Чтоб тело
Над миром парило,
Чтоб воды давались, легки,
Она ему крылья дарила,
Кроила ему плавники.

В заботе
И счет потеряла
Периодам,
Эрам,
Векам,
Когда не спеша
Примеряла,
Где быть
И ногам и рукам.

И снова
Дымила,
Чадила,

Крепила,
Чтоб сила была.
Сначала она начудила:
Трехглазым его создала.

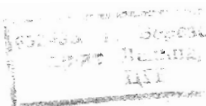
И снова
Дышала могутно,
Чтоб свет его жизни
Не мерк.
Рожденный
Вот так многотрудно,
Чем занялся он,
Человек?

Чем?
С первой извилиной мозга
Он стал сучковатым древьем
Губить черновые наброски
Себя —
То, что стало зверьем.

За жизнь
Научившийся драться,
Губил он и рвал на куски
Улики недавнего братства,
Рожденья
Из той же музги.

Как нелюди,
Жившие в нетях,
Едва отойдя от горилл,
Природы нахальные дети
С дубиной
Полезли в цари.

двп

Они
С первобытным пристрастьем,
Уже посягнув на миры,
Царят с превышением власти
С тех пор
И до нашей поры.

Жизнь все громче,
Все необычайней,
Мне пожить бы,
Как живут сельчане.

Я давно мечтал
В такой поре
Справить дом
На солнечной горе.

А еще,
Мечтаний не мельча,
Пригорюнить баньку
У ручья.

От стихов
И городских истерик
Выйти с удочкой
На тихий берег.

И, отвагой
Творческой горя,
Выловить
Простого пескаря.

Мне куда-то надо скрыться,
Мне куда-то надо спрятаться,
Чтобы словом не раскрыться
До того, как слово скажется.

Мне куда-то надо деться
От пророчества вороньего,
Чтобы новой песне спеться
Без припева постороннего.

Но зато, чтоб стало это,
Сталось так, как должно статься,
С гордым именем поэта
Надо чаще расставаться.

КУЗЬМИХА

В моей деревне,
Прозябавшей тихо,
Жила-была
Столетняя Кузьмиха.

На диво
Бородатым мужикам,
Она весь день
Помалу, помаленьку
То родники почистит,
То ступеньки
На спусках
К приозерным родникам.

Те родники,
Что родила гора,
Бежали к озеру,
Уже разумны,
Звенели,
Как натянутые струны
Под призрачной рукою
Гусляра.

Кузьмихи жизнь
Была уже темна,
Но на горе,

Прислушиваясь к пенью,
Вдруг обретала
Слух она и зренье,
Когда смолкала
Хоть одна струна.

С присловицей туманной:
«Что, ин да?» —
Она спускалась с заступом,
Как другом,
Мудрила что-то над струной,
И та
Через минуту
Набухала звуком.

Тогда она шептала:
«Мол, ин да!» —
И уносила
Сухонькое тело,
А в руслах
Родниковая вода,
Подобно гуслям,
Пела, пела, пела!

Есть тайна жизни
В каждом роднике,
Он может умереть,
Лишенный бега.
Полвека мне,
И вот через полвека
Кузьмихин заступ
У меня в руке.

В тени
Берегового закутка
Два голоса,
Две ноты трепетаний:
Один глубокий —
Из земной гортани,
Другой звончее —
С моего лотка.

Звенит...
Звенит...
Звенит...
Игрун серебряный,
Родник меня роднит
С родимою природой.

Он ведал и врага,
Он знает и увечье.
Лицо у родника
Почти что человекье.

Глаза у родника,
Светло, порою тупо,
Из веток ивняка
Глядят, как из-под чуба.

Бывает, черным днем
В болотистом сопенье
Он дремлет бобылем,
Живущим в запустенье.

Он гибнет на миру,
Не зная состраданья.
Вот я его беру
На перевоспитанье.

Вновь делаю певцом,
Почти Козловским сразу,
Он просветлел лицом,
Прозрел десятиглазо.

Глядит из ивнячка —
И сколько дум заветных
В тех камешках-зрачках
Причудно многоцветных.

Как мило,
Как легко,
Как радостно с нехмурым
Общаться родником,
Как с творческой натурой!

Хоть труд и небольшой,
Но, лик его очистив,
Добрался я душой
До самых главных истин.

Звени!..
Звени!..
Звени!..

Что стала у него
Звездой гарема...

А впрочем, что я?..
Нам впадать ли в стыд,
Когда на травке,
Леностно примятой,
Здесь наяву
Телятница сидит,—
Газелей, правда, нет,
Но есть телята.

Как ей сказать,
Душой не погреша,
Как ей сказать
Без живописной фальши,
Что ты, мой родничок,—
Моя душа,
Что лучше бы
Поить бычков подальше...

Бычки
Ни капли
Из него не выпили;
Ни капельки не выпив,
Ископытили,
Втоптали в грязь
Бесхитростный лоток,
Что я принес тебе
Взамен бетона...

Ну что ж, поправлю,
Что-то сдвину, сторону —

И закурлычет вновь
Твой вечный сток.

Но все-таки боюсь,
Всегда боюсь,
Когда я с ним
Надолго расстанусь,
Боюсь, что без меня
И хан Гирея
Мой родничок
Однажды захиреет.

Что стала у него
Звездой гарема...

А впрочем, что я?..
Нам впадать ли в стыд,
Когда на травке,
Леностно примятой,
Здесь наяву
Телятница сидит,—
Газелей, правда, нет,
Но есть телята.

Как ей сказать,
Душой не погреша,
Как ей сказать
Без живописной фальши,
Что ты, мой родничок,—
Моя душа,
Что лучше бы
Поить бычков подальше...

Бычки
Ни капли
Из него не выпили;
Ни капельки не выпив,
Ископытили,
Втоптали в грязь
Бесхитрый лоток,
Что я принес тебе
Взамен бетона...

Ну что ж, поправлю,
Что-то сдвину, строну —

Я гляжу
На родные места:
Лейся, лейся
В меня, красота!

Лейся, лейся,
Заполни утраты,
От которых
Душой изнемог,
Но и свет
И цветов ароматы —
Все уходит в меня,
Как в песок.

А душа
Между тем
Все пуста.
Лейся, лейся
В меня, красота!..

ДРУЗЬЯМ

Нет, друзья мои, вас
Я еще не забыл
И столичную жизнь
Иногда вспоминаю.
Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамваи...

Не скажу,
Чтоб завидным
Казалось житье,
Но зато и корова
Здесь голос имеет.
Как тягуче-пахуче
Глухое мычанье ее,
На меня оно
Вечностью веет.

Здесь
Царят мотоциклы,
Дороги, как трек,
Но увижу в оглоблях
Добрягу конюгу,
Как я рад,

Что не предал еще человек
Своего вековечного друга.

Трактор — сила!..
Что надо,
Как надо, везет,
А не грех и подумать
В машины влюбленным:
Там, где трактор стоял,
Ничего не растет,
Там, где лошадь,
Растут шампиньоны.

Время сено косить,
А дожди — как из рек.
Говорят, что в совхозе
Тряхнули мошною:
Составляется смета
На Ноев ковчег,
Ищут старца
На должности Ноя.

Не идет, когда просят,
Дождь идет, когда косят.
Не идет, когда ждут,
А идет, когда жнут.

Наших встреч,
Нашей дружбы
Разорвана нить.
Не пытайтесь:
Заботы моей
Не поймете.

Ну, а если еще
По газетам судить,
Вы, наверно, уже
В коммунизме живете.

У поэтов, как слышу,
Высокий престиж.
Узнаю из газет,
Что на радость культуре
Кто-то вылетел срочно
В Брюссель и Париж,
Кто-то рифму нашел
В Сингапуре.

Ах, «Урал»,
Мой «Урал»,
Трехколесный Пегас,
Ты на привязи нынче —
В дожде закавыка.
Где нам дальние страны,
Тогда как у вас
Что ни третий —
Почти что Громыко.

Здесь все зримо,
Здесь жизни основа основ
Мне становится как-то
Намного яснее.
Как ни властна
Капризная магия слов,
Запах хлеба
Бывает сильнее.

И в раздумьях
Приходят минуты тоски...
Помню, в юности,
Книжки читая,
Я хотя бы мечтал
Где-то стать городским,
А теперь
И о том не мечтаю.

Когда ты
В Марьевке живешь,
Обхаживая грядки,
Мне кажется,
Что мир хорош
И в мире
Все в порядке.

Когда гора
Горит в заре,
А грудь рассветом дышит,
На той Назаркиной горе
Мы к правде
Чуть поближе.

Здесь тишина средь лопухов
И запаха капусты
Высоким криком петухов
Приправлена
Так вкусно.

Когда же
Солнце на закат,—
Вздыхая аппетитно,

Пылит молочный комбинат,
Рогатный
И копытный.

И рад я,
Что тебя привез
К земле первично-личной:
Первичных дел,
Первичных слез
И радостей первичных.

Как шумно птицы
На дворе галдят,
Предсказывают что-то —
Счастье ль, беды ль?
Да, птицы меж собою говорят,
Они мой двор
Избрали для беседы.

Мой двор им по душе,
Хоть в нем не густо,
Но знают птицы
По сравненью лиц:
Я им не враг,
Я человек искусства,
А все искусства —
От зверей и птиц.

Сороки верещат,
Летят к окошку,
Крылами бьют
О рамный переплет:
«Ч-чужак!..»
«Ч-чужак!..»
Ну, что за шум?
Ах, кошка!..

Вернее, озорник
Соседский кот.

Обескуражен
На стезе зоренья,
Лениво по картофельной ботве
Уходит он,
Исполненный презренья
К безудержной
Сорочьей болтовне.

На столбушке
Средь травок опущенных,
Раззявя зев,
Кургузым упырем
Сидит большой
Голодный кукушонок,
И две синички малые
При нем.

Он их сынок.
Зев красный — прямо прорва:
Синички, прилетев издалека,
Чуть-чуть не залетают
Сыну в горло,
Передавая с лету червяка.

Синички
На сынка не надвоятся.
Нет у других синиц таких детей.
Снуют,
Порхают,
Кормят тунеядца...

Ну, одним словом,
Все, как у людей.

Строга природа,
Все в ней к ладу, к ходу,
Все к чистоте,
А здесь такой туман.
Как может с позволения природы
Происходить
Столь тягостный обман?

Восходит солнце.
Двор мой огласила
Иная песня сердца и души.
Летят стрижи,
В которых все красиво:
Жизнь и полет.
Да здравствуют стрижи!

ЗАБЫТЫЙ МОСТ

Еще вчера
Манил размах вселенский,
А подошел к нему —
И не до звезд.
Он цел еще —
Мой старый,
Деревенский,
Давным-давно
Воспетый мною мост.

Он цел еще,
Как экспонат музейный.
Уже и колеи-то
Нет на нем.
А рядом новый,
Ставший на шоссеиной,
Стремительно взлетающей
На взъем.

А ведь бывало,
Пил здесь воду каждый,
Когда еще бурлачил
Тот живой,
Подверженный
Усталостям и жажде,

Неторопливый
Транспорт гужевой.

Причастьем
И к работам,
И к заботам
Была вода речонки,
Та вода
У первой кручи
Исходила потом,
Случалось, что и кровью
Иногда.

Для роздыха
Коротенькие сроки
Давала жизнь,
Но помнились мосты
Так, будто посидел я
На уроке
Неслыханной
Любви и красоты.

Мост новый — просто мост,
Хоть он и шире.
Есть в новизне
Своя печаль потерь:
Где чувство то, что я
Всей жизнью — в мире,
А не над миром где-то,
Как теперь?

Все хорошо.
Мост новый
Ладно сложен,

Дорога по нему
Во всей красе.
Все хорошо,
Добротно все,
А все же
Такая грусть,
Хоть падай на шоссе.

Все иное —
Как будто на отдыхе,
На работе
Одни лишь подсолнухи.

Они память
Еще не утратили,
Видят кровное
Даже во мгле.
Дети солнца
Сбежали от матери
И тоскуют о ней
На земле.

Жизнь природы
Мудреное дело.
Не случайно, мой друг, неспроста
Золотые цветы чистотела
Вырастают на сорных местах.

Может, истины
В том и таятся,
Что, родившись в земной сорноте,
Они каждой травинкой стремятся
Беззаветно служить красоте!

Звери,
Травы сминая,
Не принес вам разора.
Не пугайтесь, что знаю
Ваши тайные норы.

Верю, надо бояться,
Вижу, стало не легче,
А трудней укрываться
Вам от глаз человеческих.

В тихой
Норке-квартире
Ничего не нарушу.
В этом горестном мире
Берегу вас, как душу.

СОРОКА

Сорока — изящная птица,
Сорока изящней кукушки
И сойки,
Что шумно гордится
Своим хохолком на макушке.
Сорока — изящная птица...

Сорока не хуже, чем кочет,
Поющий свое кукареку,
Сорока танцует, стрекочет,
Сигнал подает человеку,
Сорока не хуже, чем кочет...

Сорока порой озорует,
Но надо ж понять всенародно,
Что если сорока ворует,
То, значит, сорока голодна.
Сорока порой озорует...

Сорока — как страж от болезней,
Сорока, как служба призора,
Бывает намного полезней
Ленивых врачей саннадзора.
Сорока — как страж от болезней.

Сорока — достойная птица,
Сорока совсем не спесива,
Сорока лишь к пользе стремится,
А все, что полезно, — красиво.
Сорока — достойная птица.

Лес.
Полянка.
У тропы
Ветви распростерты.
Ну, товарищи грибы,
Где вы тут растете?

Знаю,
Не до похвальбы,
Слишком-то не ячитесь.
Ну, товарищи грибы,
Где же вы тут прячетесь?

Лесом шел,
Шел травой,
Шел, как по шелку.
Белый гриб —
Один...
Второй...
Полетел в кошелку!

Когда-то здесь
Гуляли дрофы,
Бизоньи тучились стада.
Страшны бывают катастрофы,
Опасней тихая беда,

Опасней зло,
Что не всесветно,
Не поражающее глаз,
То зло,
Что входит незаметно,
То, что людей
Не губит враз.

Мы при любом,
Хоть малом, лихо
В стозвонные набаты бьем,
А при беде, вошедшей тихо,
Все терпим
И чего-то ждем.

То зло
Меж тем
Войдет в доверье.

Когда ж созреет приговор,
То зло нас губит,
Как Сальери,
Ведущий умный разговор.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Белыми стволами
В срезax у небес
Вырос перед нами
Тихий мертвый лес.

Странно, будто кроны
В вышине лесной
Кто-то ровно-ровно
Прокошил косой.

Здесь, где умер шелест,
Некого спросить,
Чьих миров пришелец
Приходил косить.

БЕЗ АЛЛЕГОРИЙ

Н. Ф. Герасимовой

Мне б воспеть
В поэмах реки,
Но уводят от поэм
Неизбывные прорехи
Очистительных систем.

Речь веду
Без аллегорий.
Никого не вводят в страх
Тысячи лабораторий,
Что растут
На берегах.

И при них
Вода все та же,
То есть та вода все гаже,
А бумажные листы
Удивительно чисты.

Как же так?
Летим к культуре,
Избываем жизни мрак?

Утверждаю,
Что в натуре
Происходит это так:

Погрузив
Ведро иль банку
В гибельную мерзость вод,
Молодая лаборантка
Пробу честную берет.

Тут как тут,
И не случайно,
У загаженных запруд
Появляется начальник.
— Что, не знаешь,
Где берут?

Вот и весь
Контроль народный.
Вместо едкой,
Смертной той
Образец
Водопроводной
Заменяется водой.

А потом
За эту воду,
Если подлость
С рук сойдет,
Будет премия заводу
И ему перепадет.

Есть такой
Начальник швальный,—

Начиная с озерца,
За червонец
Премиальный
Мать отравит и отца.

Ну, а штрафы?
Штрафы эти
Лишь один самообман.
Все равно
В прямом ответе
Государственный карман.

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА

По пятницам,
По пятницам
Превыше хвойных куп
Клубится и багрянится
Зеленый дым из труб.

По пятницам,
По пятницам
Над гиблой зыбью мглы
Родное небо пятится
От матери-земли.

Бей, сердце,
В сатирический,
Трагический набат:
Ужо тебе, химический
Полезный комбинат!

Кто-то здесь
Топориком постукивал,
Дерева рубил.
Кто-то здесь
Веселых птиц распугивал,
Красоту губил.

Упадет ли
Ствол ли,
Ветви ли,
Сердцем вздрогну я.
Боже мой, когда в свидетели
Позовешь меня?

ГРОЗА

Остерегись,
Когда гроза!
Огни и громы
Так неистовы,
Когда небесная коса
Наскочит
На земные выступы.

Когда деревья
Буря гнет,
Укройся лучше
Под осокою.
Гроза всегда
На выбор бьет
По самому высокому!

Над родною стороной
Все обильней,
Все обильней
Непроглядную стеной
Льют тропические ливни.

Грязь такая,
Что, пыхтя,
Не пройдешь к родне по ней,
Грязевой вулкан — дитя
Перед Марьевкой моей.

Издавая львиный рык,
По разливу,
Верный долгу,
Трактор тащит грузовик,
Грузовик волочит «Волгу».

Сам завяз —
И боль острей:
Нашей Марьевке и многим
В коммунизм идти быстреей
Не дают пока...
Дороги!

Я не Волга,
Я не Вятка,
Но, как Волга, велика,
Я остячка, азиатка,
Плосколицая река.

Надо мной
Гуляют ветры,
На моих на берегах
Хвойношумно
Спорят кедры,
Нашумевшие в веках.

Мои воды
С виду немые,
Но в глубинах бочага,
Как русалки,
Ходят нельмы,
Зазывая рыбака.

Я и лесом,
Я и топью
Пробираться не боюсь.
Я не Волгою, а Обью,
Сибирячкою зовусь.

Я в городах
Строенья возводил,
Выравнивал на улицах неровность.
Я в городах
По улицам ходил —
Не человек,
А некая условность.

Я зачерствел
От гладкого житья,
На черстных людях
Притупил я жало.
По вечерам милиция моя
Меня от всяких страхов ограждала.

И только в наших
Сумрачных лесах
В ночную темь,
Идя по звездным вехам,
Вдруг ощутил неодолимый страх...
И снова стал я
Чутким человеком.

Давно ль
Гордился сам,
Что я деревне близкий.
Завидую певцам,
Поющим без прописки.

Им равно,
Где брать мед,
Была бы лишь охота
Да был бы самолет
Для дальнего облета.

О Марьевка моя,
Догадкой оглоушен:
Ты родила меня,
А я тебе не нужен.

Ну что моя строка
Для всех твоих рассветов!
Сам вижу, что пока
Тебе не до поэтов.

Тебя и не виню,
Ведь надо ж не по слову

Выкармливать свинью,
Выдаивать корову.

Ведь надо ж для потреб
Космического века
Натружный сеять хлеб
И убирать до снега.

Но были же дела
И в той поре кипучей,
Когда ты родила
Меня на всякий случай.

Но я же твой, как свет
От твоего же пыла,
Иль случая все нет,
Что обо мне забыла.

Не время,
Ну и что ж,
Одно мне сердце студит:
Боюсь, что позовешь,
Когда меня не будет.

В пустынном небе
Журавлиный крик,
Тоскливый плач
В осенней непогоде.
Давно утратив кудри,
Как старик,
Подсолнух сгорбился
На огороде.

Лицом в лицо
На солнце не глядит,—
Где стать его
И где его гордыня?
Он смотрит вниз,
Ему глаза слезит
Упавшим солнышком
На грядке дыня.

На ней он видит
Пятна-светлячки,
Но подойдут
Беспесенные сороки —
Его солнцелюбивые зрочки
Повыкляют
Беспечные сороки.

Впадая весь
В сочувственную дрожь,
Я замечал
В осеннем увяданье,
Что журавлиный крик
Всегда похож
На чей-то стон
И бабье причитанье.

Белый снег,
В сердце тьма,
В жилах вьюга стылая.
Ах, зима, зима, зима,
До чего ж постылая!

Рано печка затопилась,
Дым пошел высотами.
Ты, зима, поторопилась
Удивить красотами.

Как нам жить-зимовать,
Не роднясь с хворобами,
Как нам хлеб добывать,
Леглый, под сугробами?

Белый ветер
Летит, слепит.
Под моими лыжами,
Кажется, не снег скрипит,
А колосья слышимы.

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

«Мама,
Милая мамочка!» —
Много дней повторял.
Хлеб давали по карточкам,
Я же их потерял.

Тридцать лет,
Как упрямо
Не роднюсь с той порой,
Десять лет моя мама
Спит в могиле сырой.

Мама,
Милая мамочка,
С горя сердцем остыл,
Когда хлебные карточки
В старой книге открыл.

Нет, братцы,
Спешность не по мне,
Иной поэмит повсеместно,
А у меня в моей квашне
Еще пытит тугое тесто.

Вот тут ему
Не дай опасть,
Накаливай до зноя душу.
Дым выпусти,
Чтоб встрасть да всласть
Хлеб выпекся
Как можно лучше.

И хорошо душе моей.
Смеюсь я, счастья не скрывая,
Когда воскреснет дух полей
В моем румяном каравае.

И рад,
Что созывать пора
Всех, вплоть до резвого пиита,
На светлый праздник аппетита,
На праздник
Жизни и добра.

Нарушилось
Земля - планета,
А в глубине
Она - звезда.

**ПРОМЕТЕЕВ:
ЦВЕТ**

Прозябаю на ветру,
На миру, словам внимая.
Истин сверху не беру,
Я их снизу поднимаю.

Испытанья не страшны.
Чтобы светом возгораться,
Наши истины должны
Только снизу подниматься.

Истины не входят в стих
От общения с богами.
Нет, я каждую из них
Отрабатывал боками.

ТЕМ БЕРЕГАМ

Мои желанья
По-людски просты,
Моя работа
Облита слезами.
О сколько раз
Я возводил мосты
Меж злыми
И враждебными сердцами.

И всякий раз
Был тяжкий труд не впрок,
И всякий раз,
Казалось бы, из стали,
Разорванные фермы
Строф и строк
Над пропастью
Бессильно повисали.

Какие же мосты
Нужны морям,
Тем берегам,
Где надо мной хохочут,
Беснуются
Подобно дикарям
И атомные стрелы
В злобе точат?

Не к богу —
К людям руки я воздел.
Взываю к вам
И говорю я с вами:
Вы хотите,
Чтоб тот водораздел
Мы завалили
Добрыми сердцами?

Что мы жестки —
В том нашей нет вины.
Ищите зло
В своем жестоком стане.
История устала от войны,
Но от борьбы с войною
Не устанет!

ПРОМЕТЕЕВ ЦВЕТ

Растет он в горах, одинок,
Веками неведомый смертным...
Зовут «Прометеевым цветом»
Ночами лишь зримый цветок.

Как только стемнеет кругом,
Он вспыхнет над каменным гребнем,
Наполнится кровью, колеблем
Небесным ночным ветерком.

А корень,
Что камни оплел,
Краснее зари на взлете,
Сочней Прометеевой плоти,
Которую вырвал орел.

Есть тайна у корня того:
Дорога к нему бездорожна,
Зато невозможное можно
Тому, кто добудет его.

Мятежною кровью поим,
Не терпит он цели преступной.
Лишь подвиг, досель недоступный,
Доступным становится с ним.

Могуч его огненный сок,
Но, отданный тайне волшебной,
На подвиг он силы потребной
Дает лишь на маленький срок.

Взбираюсь во тьме на обрыв,
Срываюсь под гул камнепада.
Мне века на подвиг не надо,
Не надо,—
Мне нужен порыв!

И в жизни
И в теории
Привыкли повторять,
Что колесо истории
Не повернется вспять.

Будь так,
Как говорится,
Но не о том же речь,
А речь идет о спицах —
Их надо поберечь.

Года мудрей,
А понимать трудней.
Живу и мучаюсь
В бессильной страсти,
Как скорбный бог,
Что сотворил людей
И потерял над ними
Силу власти.

По мере дней
Ошибки все видней.
Тем дальше истина,
Чем старше годы.
Не потому ль
Я так люблю детей,
Что дети ближе
К замыслу природы.

Я — СЛОВНО ДОМ...

Я — словно дом...
За беглецом — беглец,
В нем каждый год
Меняется жилец.

Сначала в доме
За его пазами
Жил мудрый мальчик
С тихими глазами.

Трудолюбивый,
Жадный до всего,
Все в дом тащил
И украшал его.

Для бурь и стуж,
Предвидя с ними встречи,
Он душу слóжил
В меру русской печи,

Когда оставил он
Свое жилье,
В его проектах
Уже было все.

За мальчиком
Жил юноша в дому,
Во всем послушный
Мальчику тому.

Тот наказал взлететь
Во звездный рост —
И юноша взлетел
Почти до звезд.

Тот наказал не пить,
И он не пил,
Табачным дымом
Стены не коптил.

И вдруг явился,
Не подав вестей,
Неукротимый
Человек страстей.

Дом задрожал
И загудел от встрясок,
От переделок,
Выпивок и плясок.

Еще сырой,
Не выстоянный в лето,
Дом затрещал,
Огнями перегретый.

Не только в дом,—
Теперь, страстями ведомый,

Жилец уже
Потаскивал из дома.

Но тут на смену
Жизни гулевой
Пришел суровый
Мастер цеховой.

В нем уже все —
Бунт сердца,
Крик души —
Смирjali
Заводские чертежи.

Те чертежи —
Дороги в бездорожье,
Как истины
Несовместимы с ложью.

Они учили
В тех хитросплетеньях
Мир прозревать
Во многих измереньях.

И лишь потом,
Познавший тайну эту,
Я дал в себе
Прибежище поэту.

Мечтатель,
Истязатель сам,
И кроме —
Он всех вернул,
Кто жил однажды в доме.

Всех,
Всех вернул,
Смешал в себе охотно —
И мальчика,
И летчика,
И мота.

Он мог весь дом
На бревна раскатить,
Чтобы дорогу к милой
Намостить;

Мог, как Нерон
С потемками в мозгу,
Полдома сжечь,
Чтоб осветить строку.

Душа поэта
Где-то кочевала,
Случалось,
Что в дому
Не ночевала.

Поэт строчит,
Пыхтит,
Дымит
К тому же,—
Поэту хорошо,
А дому — хуже.

Старело все,
Что прошлое скопило:
Кривились стены,
Падали стропила.

Венцы в беде.
Сменить бы два венца
И снова ждать
Хорошего жильца.

Все было бы иначе,
Пронеси я
Все тяготы,
Что ты другим дала,—
Я мог бы стать
Певцом твоим, Россия,
Которым ты
Гордиться бы могла.

Обидно мне,
Что в словосочетаньях
Нет вековых,
Чтоб оценила ты.
Я выстрадал
Не все твои страданья,
Я вымечтал
Не все твои мечты.

И что с того,
Что чист я пред тобою,
И что с того,
Что пред собою чист.
Как мне наполнить
Страстью и борьбою,
Самим собой
Бумаги белый лист?

Мне нужно слово.
Снова,
Снова,
Снова
Мне нужно слово,
Чтобы все суметь.
И если б смерть
Дала мне это слово,
Я б кинул все
И отыскал бы смерть.

Тяжела,
Себе не рада
В белой гриве голова.
И глядит он
Сонным взглядом
Отдыхающего льва.

В нем
За сонными глазами,
За потухшей кромкой дня,
За далекими годами —
Где-то Африка своя.

Что живешь,
Что в битвах не погас,
Жизнь свою
Сомненьями не мучай.
Люди умирают
Только раз,
Береги себя
На этот случай.

Так построй
Земную жизнь свою,
Так живи в ней
Помыслами всеми,
Чтобы в смерти
Встал ты вровень с теми,
Беззаветно павшими
В бою.

Если что случится —
Да хранись от зла! —
Уходя в больницу,
Сделай все дела.

Чтобы сердце грелось,
Нежность торопи.
Если не успелось,
Объяснись в любви.

Поступись в гордыне,
Снизойди до птиц.
Семечками дыни
Угости синиц.

Плюнь на все бумаги,
Пылью не тряси.
Сироте-собаке
Кости отнеси.

Выходя из дома,
Брось поклон земной
Всем, всему живому,
Бывшему с тобой.

Если жив останешься,
В этом не раскаешься.

В небе откружил,
В звездах отлетал.
Горячо я жил,
Сердце потерял.

Шевелю губами,
Разучившись петь.
Не маши крылами,
Если не взлететь.

Это как же так?
Это что ж такое?
Кто придумал мрак
Вечного покоя?

Если сатана —
Утопить до дна,
Если это бог —
Вилы ему в бок,

Да сказать в конец:
— А еще творец!

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

В. В. Костоглодову

Не по своей вине
Мои стихи и песни
Несут со славой мне
Бесславные болезни.

Не благо,
Что пиит,
Что есть огонь наитий.
Здесь мой дуадинит
Всех строчек знаменитей.

Во мне
Для ваших глаз
Закреплены фиксажем
Воронки старых язв,
Как лунные пейзажи.

Напрасно я потел,
Мой доктор досточтимый,
Когда лечить хотел
Весь мир неизлечимый.

Ах, в нем
То плач,

То стон,
В огне земля и небо.
Поздоровел бы он,
И я поздоровел бы.

Пока в нем
Много слез,
Страданья и мученья,
Мне не в коня овес
Хорошее леченье.

Вы лечите меня,—
Меж тем
Все полновесней
Взамен меня моя
История болезни.

Сроками,
Остатними годами —
Я, как зверь,
Обложенный флажками.

Время,
Что загонщик,
С криком, стуком
Дни и ночи
Держит на бегу.
Все пытаюсь
Вырваться из круга,
Но, как прежде,
Остаюсь в кругу.

Знаю,
Мне, матерому, известно:
Выход есть из круга,
Есть тропа...
Но незафлажкованное место
Сторожит
Охотница-судьба.

Все замечают:
Я добрею.
Не понимают,
Что старею.

Друзья,
А что здесь понимать,
Умрем — аукай не аукай!..
Как перед вечною разлукой,
Мне хочется
Всех обнимать.

Не полукавить,
Не польстить,
Нет, нет, но тем, что досадили,
Сегодня хочется простить,
Просить,
Чтоб и меня простили.

Наглеют
Недрузи-враги,
Заметив в буйных прядях проседь,
Друзья мои, пора отбросить
Раздоров наших
Пустяки.

Любовь и дружба —
Вот блаженство!
Мне даже кажется, ей-ей,
Почти что верхом совершенства
Скандальный
Марков Алексей.

Все замечают:
Я добрею.
Кто знает,
Может быть, мудрею.

Мои собратья
Нагло врут,
Утешась мыслью той,
Что ежели они умрут,
То вновь когда-нибудь взойдут
Цветами и травой.

Как будто в том,
Что есть поэт,
Природа не потеряла,
Как будто у природы нет
Другого матерьяла.

Как будто без его солей,
Без горсточки тщеты
В урочный год
Не хватит ей
На травы и цветы.

Друзья,
Все это бред пустой:
Есть у нее запас —
И травостой,
И древостой
Взойдут помимо нас.

Чем прорасти —
Не в том вопрос.
На этот милый свет
Каким бы чудом ни пророс —
В том утешенья нет.

Нет, нет и нет!
И я б хотел,
Хоть в свете,
Хоть во мгле
Уж если не бессмертьем тел,
То добротою наших дел
Остаться на земле.

Не хватит
Срока моего.
Все требует
Меня всего.

Жена — всего,
Стихи — всего,
И даже мой «Урал»
Стрекочет,
Чтобы я его
Всю жизнь
Не покидал.

Друзья — всего,
Враги — всего.
Не хватит
Срока моего.

МУЗЫКА

Моя душа,
Иссохшая в гордыне,
Горячих звуков
Впитывает дрожь,
Как влагу
Опаленная пустыня,
Когда над ней шумит
Спаситель-дождь.

И в свежести,
И в солнечности восточной,
И в чувстве
Убывающей тоски
Моя душа,
Как влажные пески,
Становится живой
И плодородной.

Цветы — душа людей,
Открытая добру,
Цветы — глаза детей,
Не тронутые плачем.
В дни радости они
Смеются на миру,
В дни бедствия
Мы их от горя прячем.

Душа цветов чутка
На горе и беду,
Они уходят с глаз,
Чтоб их не замечали.
Цветы, когда беда,
Всегда не на виду,
Не вовремя цветы,
Как музыка в печали.

Цветы умеют ждать,
У них терпенье есть,
Как у людей труда,
Встающих до рассвета.
И в дни великих бед
Они умеют цвести,
Чтоб радость нам дарить,
Когда придет победа.

Дети плачут по-разному,
Дети плачут порой
Без опаски к опасному,
За веселой игрой,

Дети плачут по прихоти.
В мире много детей
Плачет к маленькой выгоде
Своих детских затей,

Но при множестве разностей,
При жестоком враге
Дети плачут в опасности
На одном языке,

Клянусь вам,
Убежденный в том,
Что старый миф
О бывшем где-то,
Когда-то веке золотом
Придумывали не поэты.

Беря бывшее в образцы,
Душой доверяясь
Сказкам пошлым,
Ленивцы,
Жалкие слепцы,
Они его искали
В прошлом.

Зато поэт,
Он удивлен,
Что разум,
Не глухой к преданьям,
Терзается воспоминаньем
Далеких будущих времен.

Все, все,
О чем бы ни мечтали
В года минувшие и днесь,

Все, все,
Что в будущее слали,
Там, в дальних далях,
Как бы есть.

Тот мир —
Он есть,
И потому,
Как по закону эхолота,
Времен грядущих позолота
Пыльцой цветка
Летит к нему.

Нет, это все наветы,
Что будто не дружны мы.
Поэты, как планеты,
Взаимно притяжимы.

И те, что дружбой слиты,
И те, что мечут громы.
Слетит один с орбиты —
Несдобровать другому.

Жаждем истины во всем,
Жаждем веры, между тем
Стало меньше аксиом,
Стало больше теорем.

В сфере солнечных орбит
Заменился нешутейно
Доказуемый Эвклид
Недоказанным Эйнштейном.

В прямоту путей своих
Вносим новые охваты:
Нет и не было прямых,
Все прямые кривоваты.

Но скажу вам горячо:
Ничего вы не добьетесь,
Если вам на каждый чох
Нужно дюжину гипотез...

В многомудром кураже
Знатоки и слов и слога
Говорят, что о душе
Говорю я слишком много.

Мудрость века вороша,
Похваляясь эрудицией,
Говорят, что ты, душа,—
Не душа, а только фикция.

Чем же ты нехороша
Тем, которые в бесстрастности
Говорят, что ты, душа,
Кем-то выдумана
В праздности.

Как им втиснуть
В мысль и в страсть,
Что в далекой смутной вечности
Ты, родная, зачалась
Ради высшей человечности.

Поумнела голова —
Стали легкими слова,
Легкими, как мячики,
Что играют мальчики.

А бывали времена,
Не давались письма,
В строчки неуклюжие
Лезло слово дюжее.

Поседела голова,
Все ей стало трын-трава,
Кроме всеми мыслимой
Самой нужной истины.

Поэзия —
Не профессия,
Поэзия как любовь:
Если уж есть,
Так есть она,
А нет —
И не суесловь.

Ах, поэты,
Проказники,
Как вам строчить не лень!
Поэзия — это праздники,
А праздник
Не каждый день.

Я и эпик,
Я и лирик,
А могу и на трубе.
Каждый вечер панегирик
Сочиняю сам себе.

Каждый вечер говорю:
«Я тебе, Василий,
Сочиню и подарю
Стих еще красивей».

И когда
Скажу вот так-то
И пишу, себя пьяня,
Появляется редактор,
Отрезвляющий меня.

По мере славы
И по мере дней
Все больше у меня
Учителей.

Все знатоки,
И все чему-то учат
В одной надежде,
Что меня улучшат.

Один из них
Почти что приказал,
Чтоб не скудел мой стих
Строкою жгучей:
— Режь правду-матку
Недругу в глаза! —
А сам свои отвел
На всякий случай.

Другой взывал
К таланту моему,
Слезой молил,
Чтоб нежным оставался.
— Да не хочу! —
Ответил я ему.

Он завздыхалі
— Так-так, уже зазнался!..

Вот и боюсь
Послушаться оплошно.
Учиться б рад,
Заучиваться тошно.

Ты уверяешь,
Что родились мы
Смягчать сердца
И просветлять умы?

Пожалуй, что
Оно бы так и было,
Когда б живому
Вольно жить и цвести,
Когда бы в жилах
Наша кровь не стыла
Ото всего того,
Что в мире есть.

Светлить умы
Жестокости тупой?
Смягчать сердца
Идущих на разбой?

Светлить!
Смягчать!
Прекрасен твой порыв,
Но я признал
Смягченье не любое.

И сталь смягчают,
Прежде закалив,
Чтоб не ломалась та
Во время боя!

Мне б,
Не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну, хотя бы до восхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

Секунда — миг, а все же
И в ней дано меняться.
Минуты не похожи,
Как отпечатки пальцев.

Но век людей не тешит
Разборчивостью тонкой.
Он дни и судьбы чешет
Под общую гребенку.

Мне Библия
Романа не святей,
Но, знающему счет
Добру и худу,
Обидно все же
Видеть среди людей
Защитников
Предателя Иуды.

Забыв и стыд,
И правый суд времен,
Мне говорит
Его адвокатура,
Что будто вовсе
Не предатель он
И не подлец...
А сложная натура!

Тем, жалким,
Что не нам поют,
Тем, что с врагами
Втайне ладят,
Тем, что Россию предают,
За рубежом
Неплохо платят.

Узнав цену
Измен своих,
Слепцы,
Вы думали спесиво,
Что платят вам
За вас самих,
А вам платили
За Россию!

В ЦИРКЕ

Львы и псы?
Прием не нов.
На арену драк и драчек
Дрессировщик грозных львов
Выпускает злых собачек.

Те и лают и визжат,
Заглушаемые рыком,
На арене мельтешат,
Застелив глаза владыкам.

Чтоб казалось,
Что у львов,
А у грозных и тем паче,
Злее не было врагов
Этих шустреньких собачек.

МОЙ АДРЕС

Въезжая
На Кутузовский, уже
Вы гость мой,
Ибо, шумом оглоушив,
Вы будете въезжать
Мне прямо в душу
И славно ехать
По моей душе.

По ней,
Моей душе,
Машины мчатся,
Гудят,
Визжат,
Кудахчут.
Что ж, терплю.
Вы приезжайте,
Можете стучаться
И за полночь —
Я все равно не сплю.

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЖИЛИЩНУЮ КОМИССИЮ

Проживая
В маленькой комнате,
Той, что меня
Облекла и сжала,
Не хочу дележа,
Но помните:
Я совладелец
Земного шара.

А если делить,
Делите на души —
Миллиарды гектар
На людей миллиарды.
Сколько мне
Достанется моря и суши —
Столько, что будете
Сами не рады.

Зачем чужие страны,
Когда есть Комарово.
Зализываю раны,
Ищу живое слово.

Здесь тишина без края,
Не то что шум столичный.
Мне тишина такая,
Как счастье,
Непривычна.

Здесь сосны,
Храмы словно,
Маяча в небе млечном,
Недвижно и безмолвно
Внушают мысль о вечном.

Родят
К тому презренью,
Законное в поэте,
Что нет во мне прозренья
Хотя бы
На столетье.

Как цветы на заре,
Так и моды
В моды спорочесот...

**КАК ЦВЕТЫ
НА ЗАРЕ**

Цветы и травы
Пахнут так —
Нельзя не захмелеть.
С горы вся даль распахнута,
Что хочется лететь.

Лететь, лететь
И песни петь...
О чем?
Да ни о чем.
Лететь, лететь
И сердце греть,
Чтоб пелось горячо.

От счастья
Сердце выроню,—
Зачем теперь оно,—
Чтоб стало мне,
Как было мне
Давно,
Давно,
Давно...

Весной
Рабу пера,
Мне нравится пора,
Когда у всех селений
Игра костров весенних.

Все чувства
Вновь остры
И яркие до свеченья,
Когда горят костры
Любви и очищенья.

Что было, сожжено.
И жизнь — как лес весною,
Где все обнажено,
Все зримо,
Все сквозное..,

Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Неразгаданный взгляд
Мое вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне
От глаз.

Все гляжу и гляжу,
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отраженный
В огромных зрачках.

Все гляжу и гляжу,
Оторваться не в силах
От веселых-веселых,
Бесовских во плясе кудрей,
От бесстыдно зовущих,
От страстно и сладостно милых:

Милых губ,
Милых глаз
И летящих бровей.

Ну, люби!..
Ну, люби!..
От любви
Никуда нам не деться.
Ну, люби же, люби!..
Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропадал.

Лицо тоскою выбелю,
Приду к тебе

тебя

Любить, как перед гибелью,
До слез,
До забытья,
До бреда,
До сожжения
В судьбе, а не в игре,
До чуда воскрешения
На утренней заре...

Скажи, мое сердце,
Кому ты вернѝ?
Зачем я от каждой пьянею?
Ответь, почему дорогое вино
Сберечь для одной
Не умею?

По нашему краю
Красавиц не счесть,
Но сердце, вперед увлекая,
Стучит и стучит:
«У меня уже есть
Другая,
Другая,
Другая...»

Молчи.
Не хочу я твой призрак ласкать,
Вздыхать без надежд и отрады.
А сердце все гонит:
Мол, надо искать.
И я соглашаюсь,
Что — надо!

От любимой
Надо уезжать,
Надо убегать
От нелюбимой.
Для любимой
Будешь дорожать,
К нелюбимой сбросишь
Долг свой мнимый.

Нелюбимую
Надежд лишай,
Убивай все поводы
К возвратам.
Благородством
Жить ей не мешай,
Убежав,
Останься виноватым.

Хладным сердцем
Не расплавить лед.
Все равно
Испрошенная ласка
По весне от сердца отпадет,
Как сырая
Зимняя замазка.

Прощай!
Нам слез не лить
От горя и отчаянья.
Быть нежной,
Доброй быть
Не надо на прощанье.

Прощай!
Не буду ждать,
Не ждать — душе честнее.
Не надо целовать,
Пусть сердце очерствеет.

Надеждой
Не делись,
Оставь без лишней ноши,
Хорошей не кажись,
Останься нехорошей!

Так можно
Все внушить,
Поверить в святость ада,
А люди будут жить
И думать:
Так и надо.

На разлуке,
На муке стою...
Вот и все.
Вот и время проститься.
И целую я руку твою,
Как крыло
Улетающей птицы...

Душе безысходней,
Как будто весь мир сиротлив.
У моря сегодня
Какой-то печальный мотив.

Как будто тоскует
О верной,
О вечной любви,
Как будто толкует
О всех, кто остался вглуби.

О Черное море,
Зачем же о берег так бьешь?
О Черное море,
Тоскуя, не жертвы ли ждешь?

О Черное море,
Готов я к любому броску...
Неужто собою
Твою утолить мне тоску?

Прости меня, море,
Что медлю,
Что в мире тревог
Насытиться жизнью
Я, Черное море, не смог.

Печалью певучей
Над теми, кого не спасти,
О Черное море,
Не мучай,
Не мучай...
К любви отпусти!

Обидят.
Оболгут.
Не мщу.
Боюсь во зле
Сойтись со спесью.
Я не спокойствия ищу,
Ищу любви,
Как равновесия.

Зло — бред,
И злые, как в бреду,
Приносят людям
Лишь страдания.
Да бережет меня сознание:
Превысит зло —
И упаду!

Не ходим
В эстетической уздечке,
Изысканность —
На кой нам черт нужна!
О женщине красивой,
Как о печке,
Мы говорим:
— Неплохо сложена...

Так мне велит
Души моей настрой:
Пусть буду
Испытаньям я подвержен,
Пусть жизнь со мною
Поступает тверже,
Но только не обходит
Красотой!

За позднюю вину,
За то, что грудь остыла,
Того не прокляну,
Что прежде
Счастьем было.

Пусть рана
Жжет вглуби,
Но все ж за эту рану
Я прошлое любви
Обкрадывать не стану.

Припомню те черты,
И сердце тронет жалость.
Кто виноват, что ты
Той, прежней,
Не осталась!

Боюсь не смерти я.

М. Ю. Лермонтов

Боюсь не смерти я.
Нет, нет!
И не предсмертного мученья,
Боюсь до смерти отлученья
От увлечений юных лет.

Не то боюсь,
Что жизнь утрачу,
Но, без любви и без огня,
Боюсь того, что не заплачу,
Когда разлюбишь
Ты меня.

Не страшно,
Что приду к излому,
Что стану нем и недвижим.
Страшней всего
Всему живому
Вдруг сразу
Сделаться чужим!

Одинок я,
Где моя родня?
Все близки —
И все в далекой дали.
Женщины не верили в меня
И моих детей
Не сберегали.

Что ж, скажу,
Печаль невелика,
Просто были мы
Душевно разные.
Те, что рассуждали свысока,
Думали, как все:
Гуляка праздный!

Лишь одну
Ославить не хочу —
Ту, что видела
Всегда крылатым,
Но и та ждала, что улечу
В некий час
Маршрутом невозвратным.

Что ж, скажу,
Не мне — другим урок,

Чтобы прочитавший эти строки
Не был в жизни
Так же одинок:
Будто близкий всем
И всем далекий.

Как душою ни бьюсь,
Ни кричу
От ударов изменческих,
Ничего не боюсь —
Глаз боюсь человеческих.

Есть,
Не спору,— идешь
И, как часто бывает с поэтами,
Взгляды нежные рвешь
И уносишь букетами.

Есть такие,
Что жуть,
Даже нет никакой
В них подробности.
Не успеешь взглянуть,
Как увидишь две пропасти.

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

Телефон звонил оголтело,
Будто колокол с каланчи.
— Проклинаю вас! — долетело,
И все смолкло в глухой ночи.

Засмеялся.
Заснуть бы снова,
Дикий выкрик,
Как сон, заспать,
Только стало ночное слово
Странной тяжестью обрастать.

Есть слова,
Они роковые,
Когда люди их говорят,
В них на сроки все вековые
Отлагается жизни яд.
Смысл их древний бывает жуток,
Злая магия входит в дых,
С ними, темными, не до шуток.

Кто ж мне бросил
Одно из них?

Мне казалось,
Мои обьятия
Ни одну не сделали злей.
Но я проклят, и то проклятье
С каждым годом все тяжелей.
Все сильнее догадки мают,
Все труднее избыть мне их;
Посторонних не проклинают,
Отверженьем не бьют чужих.

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

Ну вот,
Опять я начудил,
Разлил себя,
Как пиво пенясь.
Кто старость
В детстве ощутил,
Тот и до старости
Младенец.

Не торжествуй
И не стыди,
Иначе стану
Безрассудней.
Пусть виноват,
Но не суди,
И без тебя
Так много судей.

И без тебя
В конце концов
Найдется тот,
Кто глянет строго.
Мне ль в мудрецы,—
Ведь мудрецов
На всей земле
Не так уж много.

Мне жить,
Как пало на роду:
Расплескиваясь
И волнуясь,
С годами
В детство не впаду,
А если и впаду,
То в юность!

АРХИВ

Строчки страсти,
Письма, вести,
Словно угольный урон,
Как шахтер,
С породой вместе
Отправлял на террикон.

И теперь
Давно избытых,
Отошедших в недогляд,
Терриконы чувств забытых
Адским пламенем горят.

Было б нужно,
Было б важно
Все прибрать
И снова жить.
Только стало
Что-то страшно
Жизнь былую ворошить.

Цыганка пела про любовь,
Про ночь и страсть цыганка пела.
Ознобно вздрагивало тело,
Лукаво вскидывалась бровь.
Цыганка пела про любовь.

Цыганка пела про меня,
Напоминая и пророча
Безумие какой-то ночи,
Недоплясавшейся до дня.
Цыганка пела про меня.

Зачем я предал сердце злу?
Сидел во тьме, белее снега,
И ворошил я, как Алеко,
Костра остывшую золу.
Зачем я предал сердце злу?

Я давно
Не испытывал нежность
И мечтаю —
Ты только приходи! —
Выпить ласки
Небесную свежесть
И заснуть
На прохладной груди.

Весь я в жажде,
Как после пожара,
Что пожег
Все родное вокруг.
Дай мне, милая,
Сон без кошмара,
Пробужденье
Без страха и мук.

Сколько молний
Меня осветило!
Сколько громов громило,
Не в счет...
Может быть,
Заземленная сила
Не погубит меня,
А спасет.

Мы с нею
Повстречались вновь,
Но легкомысленная женщина
Забыла, что ее любовь
Была мне
В юности обещана.

Лишь разговор —
И вновь прощанье.
Глаза лукавые цветут
Все тем же
Милым обещаньем,
Которого три года ждут.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Много ли нужно —
Малую малость,
Чтоб разлетелось
Все за версту...
Каждая лошадь
Хоть раз да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду.

Любим похвастать
Века вершинами,
Будто кто гонит —
Бегом да бегом...
Слишком привыкли
Играть машинами,
Силу смирять
Простым рычагом.

Сам заводской,
Но моя романтика
Выше дела
И выше слов.
Больно видеть,
Как автоматика
В души внедряется
Раньше цехов.

Хочешь и ты,
Чтобы все впритирочку,
Чтобы не рвал
Семейных пружин,
Хочешь, чтоб я
Превратился в дырочку,
Вбитую в ленту
Счетных машин.

Хочешь, чтоб я
Был, как все, хорошим,
Мне ж та хорошесть —
Как острый нож.
Любишь меня
На многих похожим
И ненавидишь,
Когда не похож.

Нет, не хочу,
Чтобы жизнь обрекалась
На одну
Для всех борозду...
Каждая лошадь
Хоть раз да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду...

В этом
Нет моей вины,
И отчаиваться нечего.
У поэта нет жены,
У поэта только Женщина,
Только Женщина — да, да! —
Пусть простит мне жизнь убогая,
Только-только та одна,
Недоступная,
Далекая.
Только та,
Что темноту
Отгоняла светом вымысла,
Только та, что красоту
Из моих мечтаний вынесла.
Мой порыв ее вознес
Выше нашей повседневности,
Выше горя,
Выше слез,
Выше страха,
Выше ревности.
В ней —
Все чудо,
Все мое.
Но тебя люблю ведь тоже я,
Потому что на нее
Ты немножечко похожая.

Не затем я
Горячее сердце ковал,
Не затем я покоя
Ему не давал,
Не затем я поил его
Горькой отравой,
Чтобы стало оно
Для кого-то забавой...

Я надеждой,
Как молотом,
По сердцу бил,
Я ковал свое сердце
Для вечной любви,
Чтобы билось не пульсом,
А праздничным звоном,
Чтобы знали, что значит
Быть сердцу влюбленным,
Чтоб Звездана,
Тоскуя в краях неземных,
Услыхала набаты
Моих позывных...

Вот зачем
Я ковал свое сердце!

Придорожная ромашка
В комьях бросовой земли,
С добрым сердцем нараспашку
Ты всегда стоишь в пыли.

Лепестки твои большие,
Ты б гадала, не фальшивя:
«Любит, нет ли?»
Цвет отдав,
Лишь спроси,
Сказала б: «Да».

Но в заботе бестолковой
Каждый мчится, пятки жжет,
К дальней,
Мелколепестковой,
К той,
Которая солжет.

Средь черных
Чертовых забот
В тайге угрюмой,
Как ненастье,
Чету берез увидел черт
И воспылал к березе страстью.

Его любимая была
Стройна и девственно бела.
Влюбленный черт,
Пленный белым,
Стал целовать нагое тело.

Не овладев ее красотой,
Заплакал черт,
Как плачут черти,
И черной чертовой слезой
Березу белую отметил.

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Жалуются девы:
Стало-де сложней
Для души и тела
Выбирать мужей.

Жалуются мѹжи,
Страхом сражены:
Дескать, стало хуже
С выбором жены.

Бог Адама выпорол
Не по той вине.
У Адама выбора
Не было в жене.

И у Евы в доме
Друга своего
Был Адам, а кроме —
Тоже никого.

Впрочем, два наива
Весь библейский срок
Жили бы счастливо —
Не вмешайся бог.

Что за чушь
Слышу я,
Как не стыдно лгать,
Будто жены мужьям
Не дают дышать.

Вот моя
Не корит,
Будто не грешил.
Как приду, говорит:
— Ну-ка, подыши!

Весь отдаваясь помыслу,
Надежде на тебя,
По радуге,
Как по мосту,
Поднялся к солнцу я.

За красоту,
За радости,
За то, что счастье знал,
В порыве благодарности
Я солнце целовал.

Не в памяти,
В сердце осталась,
А в нем
Только с ним и умрет,
Как в юности ранней мечталось
О милой — какая придет?

Мечтал я
На раннем покосе:
По травам,
По синим цветам
Придет, мое сердце попросит,
И я свое сердце отдам.

Косили мы луг,
Откосили,
Копешки сметали в стога.
Никто не пришел на луга —
И сердце мое
Не спросили.

Мне житейская мудрость
Известна давно:
Грусть и боль —
Это сестры незнанья.
Когда сердце
Всему вопреки влюблено,
А в ответ
И надежды любви не дано,
Вместо радости —
Только страданье.

Голос разума
Сердцу умолкнуть велел.
Не сержусь,
Что с тобою разняли.
Благодарен за то,
Что ты есть на земле,
Знал я то,
Что другие не знали.

Сердце было
Случайной улыбкой пьяно.
Счастье жду
Терпеливо опять я.
Когда ты на земле,
То возможно оно.

Ясным утром
Не веришь, что было темно,
Что у ночи
Мы были в объятьях.

Разум сердцу внушал:
Эту ночь не пройти,
Она землю
Кругом охватила.
Благодарен за то,
Что на трудном пути
Ты недолго,
Но ярко светила.

Мне всея

На подвиг не надо,

Не надо,

Мне нужен герой!

Различий нет,
А есть года,
Есть возраст —
Разница лишь в этом.
Наружностью
Земля — планета,
А в глубине
Она — звезда.

Себе сказал
И говорю другим,
Всем говорю
С упорством постоянным:
Язык любви
Не может быть нагим,
Язык борьбы
Не должен быть туманным.

— Что ты молчишь? —
Услышал я упрек.—
Ведь ты бы мог
Нам рассказать о многом.
— При чем здесь вы?!
Своим высоким слогом
Я разговаривать
Учился с богом,
А бога нет —
Вот я и приумолк.

Забываясь о своем
Довольно добром даре,
Он берегал себя,
Как скрипку Страдивари,
Но, избежав все зло,
Все страхи мук,
Он начал издавать
Фальшивый звук.

Великий Пушкин
Говорил когда-то:
Поэзия должна быть глуповата.
Раскрой же смысл загадки до конца
И отличать учись всегда ты
От глуповатого
Глупца.

Когда ему ликуется,
Поэт похож на курицу:
Снесет словцо,
Как яйцо,
И целый день кудахчет.

Все выскажу,
Ни перед кем не струшу,
Не отступлю
Ни перед какими лицами.
Невысказанный гнев
Убивает душу —
Не становитесь
Самоубийцами!

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе.

Поэзией
Приписанный к векам,
К бессмертью слов,
Когда меня карают,
Как Будда,
Я не мщу своим врагам —
Они с годами
Сами умирают.

Негодяй!..
Стыда не зная,
Завершив позорный труд,
Почивал он,— негодяи,
Видно, тоже устают.

С любовью —
Хоть гроза!
А без любви беднягам,
Нам небо — как глаза,
Подернутые мраком.

Изо всего того,
Чем люди дышат,
Что не дает
Качнуться и упасть,—
Есть красота.
Она из благ всех выше,
А выше красоты
Лишь страсть.

Мне дорог смех,
Но все же различай
Веселье глупости
И мудрости печаль.

До всенародного признанья
Пути заведомо трудны.
Поэт обязан
Жить в изгнанье
Хотя б
От собственной жены.

Что сказать мне
О двадцатом веке?
Я скажу,
Что людям не везет.
Льется кровь,
И в каждом человеке
Стало меньше крови —
Вот и все!

Собака
Любит пост,
С начальством
Любит встречи,
Но отрубили хвост —
Вильнуть собаке
Нечем.

С. Подделкову

Человек — пароход,
Что стремится к верховью,
Натужен,
Где опасность
Вдвойне велика:
Грузы все тяжелей,
Днище глубже и глубже,
В то же время
Все мельче река.

Писатель некий
Предался врагу;
Сбежав от нас,
Ведет себя болтливо.
Предательство
Не ново на веку.
Еще один предатель —
Эко диво!

Все ворочают умами:
Ходит Пушкин
Между нами!
Где же?
Видимо, сей бард
Не имеет бакенбард.

Извечный спор
Меж школами и школками
Закончу я
В сознание правоты.
Хоть наши музы
И ходили голыми,
Поэзия не терпит наготы.

Как мы пишем?
Как летаем мы?
Все по-разному смелы:
Воробьи летают стаями,
Одинокими — орлы.

К чему безмерные потуги?
Пусть успеваает зреть душа.
Котенок начинает с мухи,
Потом доходит
До мыша.

Вам, девушки,
К семье идущим,
Желал бы я
Из благ земных:
Детей, не слишком озорных,
Мужей, не очень много пьющих.

Любит совесть?
Нам не в новость
Доброта людей таких.
Негодяи любят совесть,
Когда совесть —
У других.

Что пчела
Врага карает,
Трутня не касается.
Трутень мед не собирает —
Вот и не кусается!

Есть в дружбе
Доброе ядро,
Прекрасно слово «друг»,
Но дружба —
Это не бюро
Приятельских услуг.

Кто любит сласть,
Тот сладости добьется.
Была бы власть,
А подхалим найдется.

Милый друг,
Хочу сказать,
Чтобы знал ты наперед:
Радость надо нам искать,
А печаль —
Сама найдет.

Родник струился
Во всю пруть,
И я, как полагается,
Напившись,
Кран хотел закрыть,
А кран
Не закрывается...

БЕРЕЗА

Стоит в бересте
Под еловою кроной,
Как в курной избе
Золотая икона.

Приди поклониться —
И боль отболится.

Мухоморы-капутники,
Все поганки боров —
Неизменные спутники
Настоящих грибов.

Заприметив негодные,
Поищи благородные.

Пусть одинаков сорт,
Пусть цвет, похоже, красный,
Но разная земля —
И вкус у яблок разный.

Душа томилась
По живой природе.
Скосил траву я
В нашем огороде,
Сметал стожишко.
На ольховый стяж
Ворона села —
И уже пейзаж!

Картина не типичная,
Но облик постоянный:
Коровники кирпичные,
А клубик
Деревянный.

Он говорит
И страстно и глубоко,
Но странно видеть
Сытого пророка.

Бог любви,
Я снова в сердце ранен.
Огради от смертного одра,
Удержи меня на светлой грани,
Чистой грани
Мира и добра.

Он и впрямь
Какой-то разный,
Как редиска разноспелый:
Поглядишь — снаружи красный,
А раскусишь,
Видишь — белый.

Я ваших сочувствий
Не слушаю,
Что из носу кровь потекла.
Борьба — это самое лучшее,
Что жизнь
Подарить мне смогла.

Берегите меня
До последнего дня,
Берегите меня
До последнего часа,
Берегите меня,
Как цыгане коня,
Чтобы гикнуть потом
И умчаться.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЗАРКИНА ГОРА

«С тех пор, как тобою поклялся...» . . .	7
Мы сами...	9
Земля	10
Поле	12
Еще о конопле	14
Человек	15
«Жизнь все громче...»	19
«Мне куда-то надо скрыться...»	20
Кузьмиха	21
«Звенит... звенит... звенит...»	24
У родника	26
«Я гляжу на родные места...»	29
Друзьям	30
«Когда ты в Марьевке живешь...»	34
«Как шумно птицы на дворе галдят...»	36
Забытый мост	39
«Все иное — как будто на отдыхе...»	42
«Жизнь природы мудреное дело...»	43
«Звери, травы сминая...»	44
Сорока	45
«Лес. Полянка. У тропы...»	47
«Когда-то здесь гуляли дрофы...»	48
Мертвый лес	50
Без аллегорий	51
Черная пятница	54

«Кто-то здесь топориком постукивал...»	55
Гроза	56
«Над родною стороной...»	57
«Я не Волга, я не Вятка...»	58
«Я в городах строенья возводил...»	59
«Давно ль гордился сам...»	60
«В пустынном небе журавлиный крик...»	62
«Белый снег, в сердце тьма...»	64
Хлебные карточки	65
«Нет, братцы, спешность не по мне...»	66

ПРОМЕТЕЕВ ЦВЕТ

«Прозябаю на ветру...»	69
Тем берегам	70
Прометеев цвет	72
«И в жизни и в теории...»	74
«Года мудрей, а понимать трудней...»	75
Я — словно дом...	76
«Все было бы иначе, пронеси я...»	81
«Тяжела, себе не рада...»	83
«Что живешь, что в битвах не погас...»	84
«Если что случится...»	85
«В небе откружил...»	86
«Это как же так?...»	87
История болезни	88
«Сроками, остатними годами...»	90
«Все замечают: я добрею...»	91
«Мои собратья нагло врут...»	93
«Не хватит срока моего...»	95
Музыка	96
«Цветы — душа людей...»	97
«Дети плачут по-разному...»	98
«Клянусь вам, убежденный в том...»	99
«Нет, это все наветы...»	101
«Жаждем истины во всем...»	102
«В многоумудром кураже...»	103
«Поумнела голова...»	104
«Поэзия — не профессия...»	105
«Я и эпик, я и лирик...»	106
«По мере славы и по мере дней...»	107

«Ты уверяешь, что родились мы...»	109
«Мне б, не горбясь под ношею...»	111
«Секунда — миг, а все же...»	112
«Мне Библия романа не святей...»	113
«Тем, жалким, что не нам поют...»	114
В цирке	115
Мой адрес	116
Заявление в жилищную комиссию	117
«Зачем чужие страны...»	118

КАК ЦВЕТЫ НА ЗАРЕ

«Цветы и травы пахнут так...» *	121
«Весной рабу пера...» *	122
«Как цветы на заре...» *	123
«Лицо тоскою выбелю...» *	125
«Скажи, мое сердце, кому ты верно?...» *	126
«От любимой надо уезжать...» *	128
«Прощай! Нам слез не лить...» *	129
«На разлуке, на муке стою...» *	130
Душе безысходней *	131
«Обидят. Оболгут. Не мщу...» *	133
«Не ходим в эстетической уздечке...» *	134
«Так мне велит души моей настрой...» *	135
«За позднюю вину...» *	136
«Боюсь не смерти я...»	137
«Одинок я, где моя родня?»	138
«Как душою ни бьюсь...» *	140
«Не за слезы ли, что лила...» *	141
«Ну вот, опять я начудил...» *	143
Архив	145
«Цыганка пела про любовь...»	146
«Я давно не испытывал нежность...» *	147
«Мы с нею повстречались вновь...» *	148
Семейный разговор *	149
«В этом нет моей вины...» *	151
«Не затем я горячее сердце ковал...» *	152
«Придорожная ромашка...»	153
«Средь черных чертовых забот...»	154
Библейский мотив *	155

«Пусть одинаков сорт...»	194
«Душа томилась по живой природе...» . . .	195
«Картина не типичная...»	196
«Он говорит и страстно и глубоко...» . . .	197
«Бог любви, я снова в сердце ранен...» . . .	198
«Он и впрямь какой-то разный...»	199
«Я ваших сочувствий не слушаю...»	200
«Берегите меня до последнего дня...» . . .	201

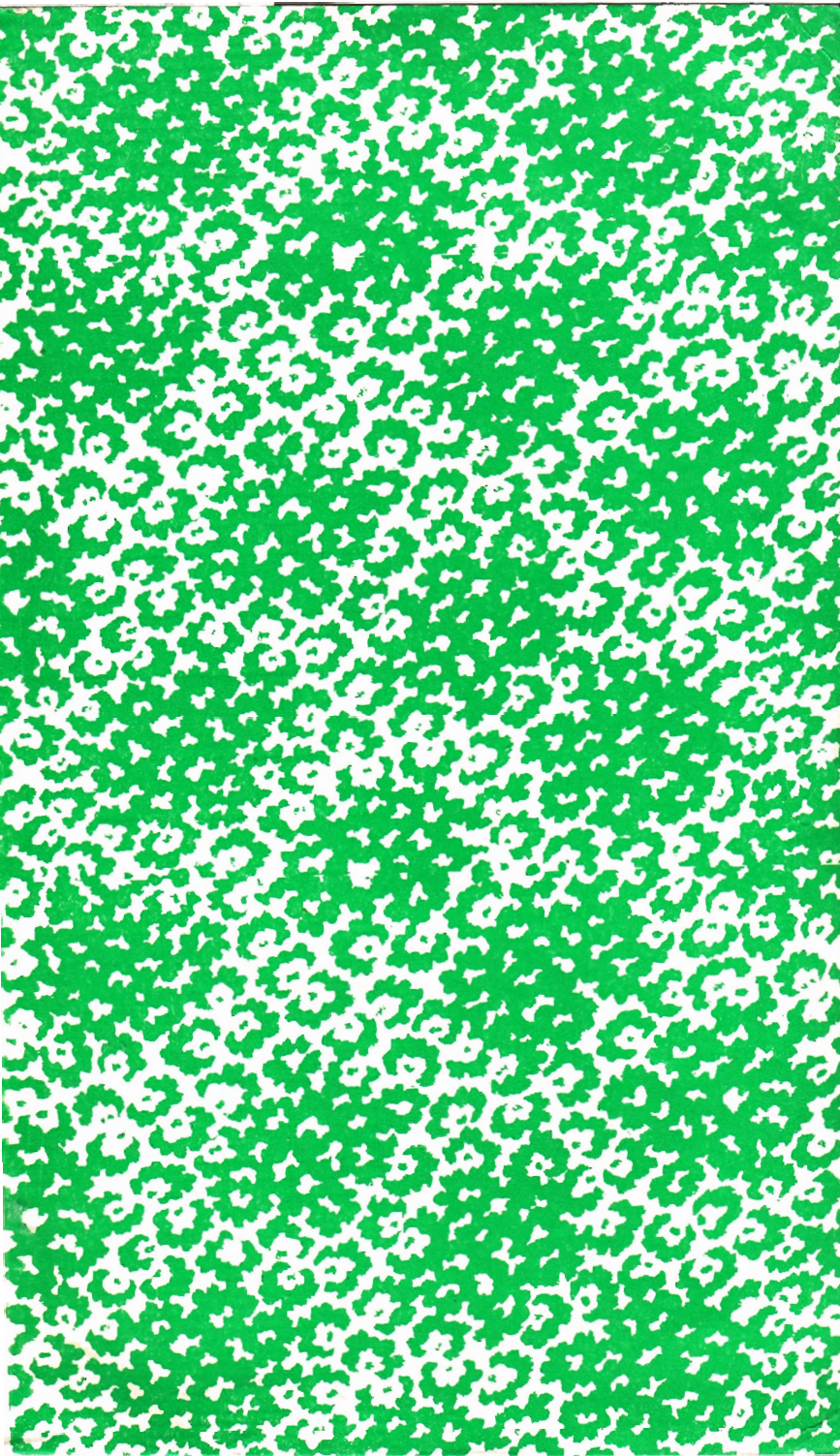
Федоров
Василий Дмитриевич

КАК ЦВЕТЫ НА ЗАРЕ

М., «Советский писатель», 1974, 208 стр.
ВЗ—48—24—1974 г.

Художник *М. В. Серегин*
Редактор *В. К. Семакин*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *Л. И. Жиронкина*

Сдано в набор 18/VI 1974 г. Подписано к печати 13/IX 1974 г. А02349. Бумага 84×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 6¹/₂ (10,92). Уч.-изд. л. 4,86. Тираж 50 000 экз. Заказ 501. Цена 54 коп. Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

54 коп.

Г

